

УДК 39:304.44(=112.2)(571.1)
DOI 10.17223/19988613/43/19

О.М. Рындина

АДАПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПО РОССИЙСКИМ НЕМЦАМ НАРЫМСКОГО КРАЯ)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.*

На основе полевых этнографических материалов, собранных в 2013–2016 гг. в Александровском, Парабельском и Колпашевском районах Томской области, рассматривается проблема трансформации культуры российских немцев в условиях депортации. Делается вывод о её хронологически разных уровнях. В 1940-е гг. она преследовала цель физического выживания этнического сообщества, шла в рамках культуры этноса и во многом опиралась на нетрадиционные способы. В 1950-е гг. охватила сферу этнической культуры и сопровождалась возрождением её отдельных элементов.

Ключевые слова: российские немцы; депортация; Нарымский край; адаптация; этническая культура.

Основатель адаптационно-деятельностного подхода к культуре Э.С. Маркарян её исходной и предпосылочной функцией определил адаптивную, направленную на сохранение живых систем безотносительно к уровню их организации [1. С. 36]. При этом исследователь ввёл понятие «исторически данной культуры» как исторически выработанного способа существования, благодаря которому возникает культурное многообразие человечества. Одной из наиболее устойчивых форм этого многообразия им определяется этническая культура [2. С. 40, 47]. Детализация сопряжённых понятий привела к разграничению «этнической культуры», вбирающей в себя «индивидуальное, своеобразное сочетание различных элементов культуры», и «культуры этноса» как совокупности способов жизнедеятельности, которые обеспечивают функционирование этноса как социального организма и лишены неповторимости и своеобразия [3. С. 53]. Проблема соотношения указанных сфер культуры требует учёта социально-политического контекста как важнейшего фактора сохранения либо нивелирования этнокультурного своеобразия. Данное положение в полной мере применимо к трансформации этнической культуры российских немцев в условиях депортации.

Одним из мест, куда направляли переселенцев из Республики немцев Поволжья и Украины, стал образованный в мае 1932 г. Нарымский округ, который включал территорию семи современных северных районов Томской области. Миграционный поток состоял из нескольких волн разной интенсивности. На 1930-е гг. приходится выселение сюда «кулаков» и «врагов народа». На осень 1942 г. пришлось вторичная депортация немцев для обеспечения рабочими руками лесной и рыбной отраслей хозяйства. С этой целью из центральных районов Новосибирской области в Нарымский край было вывезено 15 тысяч человек [4. С. 433]. Они и составили основу немецкой диаспоры, сформировавшейся на территории края. Незначительно пополнили её численность лица, попавшие под репатриацию.

Легитимизированный механизм депортации включал в себя меры по обеспечению переселенцев жильём, пищей, работой. На деле всё, кроме работы, было отдано на откуп самим переселенцам, которые оказались на грани физического выживания, поскольку хлебного пайка, продуктов и зарплаты, выдаваемых соответственно на лесозаготовках, в колхозах и на рубзаводах, катастрофически не хватало. Особенно тяжёлым стало время с осени 1942 по осень 1943 г., пока не созрел первый урожай картошки на посаженных переселенцами огородах. В экстремальных условиях на первый план вышла «предпосылочная» функция культуры – функция физического выживания этнической общности.

При этом задействованными оказались все «подручные средства», нетрадиционные ни для этнической культуры, ни для культуры этноса. Во-первых, продавали или обменивали на продукты всё привезённое с собой из Поволжья или с Украины: костюмы, пуховые подушки, одеяла, музыкальные инструменты, кольца, швейные машинки. Во-вторых, измождённые на работе, истощённые от постоянного недоедания матери в свободное от работы время занимались с местными жителями обрабатывать огороды, копать картошку, доить коров и в качестве платы за труд получали продукты. В-третьих, дети становились няньками, нередко ходили по дворам и просили подавание. *«Из-за плохого знания русского языка и немецкого акцента <...> нередко прогоняли и называли “фашисткой”, но встречались и такие, кто подавал хлеб, варёную или сырую картошку. Кто чаще подавал, к тем <...> чаще и ходила»* [5. С. 105]. Приходилось ребятишкам побираться и по помойкам: *«собирали и ели выброшенные косточки от рыб. Летом варили лебеду и крапиву, их в деревне не росло – всё сорвали и съели»*¹. Весной тайком перекапывали поля с картошкой, пытались найти в земле оттаявшие клубни, из которых пекли лепёшки. В-пятых, ещё одним способом избежать голодной смерти стал активный летом сбор в лесу дикоросов. Порой незнание особенностей местной флоры оборачивалось трагическими последствиями. *«Весна 1943 года была го-*

лодной, поэтому, когда пошли грибы сморчки, люди обрадовались, стали собирать их и варить, но не знали, как правильно готовить. <...> Агафья рассказывала, что когда попробовала воду, то она показалась ей вкуснее, чем куриный бульон, как будто молоком заправлена. Но что-то удержало её, и она съела немного грибов. Спасло родственников то, что Роман ловил рыбу, щук и окуней, обменивал их на молоко <...> и отпаивал молоком и кормил ухой своих отравившихся родственников и знакомых. <...> Они выжили, но много людей умерло» [6].

Не лучше обстояло дело и с одеждой: она либо пришла в негодность по причине изношенности, либо была выменена на продукты. Ходили, в чём придётся. Нередко дети не посещали школу по причине отсутствия тёплой одежды и обуви. Радостью становились платья, сшитые из старых списанных простыней, «шахтёрские ботинки» с пришитыми к ним матерью голенищами из мешка. «Ходить в них было очень хорошо, тепло, но приходилось плотно обматывать голенища, чтобы обувь не сваливалась» [7. С. 75]. Из-за отсутствия зимней обуви нередко были случаи обморожения ног. Традиционная немецкая одежда осталась лишь в воспоминаниях: «бабушка всегда ходила дома в платье и фартуке» и повсюду возила с собой узелок «на последний час» с новым ситцевым платьем. Запомнились и юбки, подбитые для объема ватой [8. С. 121].

В экстремальных условиях средством адаптации стали и хозяйственные традиции, свойственные немецкой культуре – навыки земледелия и огородничества. Летом 1943 г. переселенцы активно раскорчёвывали землю под огороды и сажали картошку, точнее очистки от неё, порой тщательно сохранённые. «Баба Катя с их матерью Францисой пешком в апреле ходили в Могочино, на другой лесозащитный – Бугор (за 50 км), где обменяли костюм дяди Иосифа, предпоследнего сына бабушки Кати, на мешок картошки. Укрыв всякими тряпками, везли картошку днём, когда становилось теплее, боялись заморозить. Переночевали на плотнице Заломное. <...> Довезли картошку в сохранности. И хотя есть было нечего, баба Катя не давала эту картошку, сказав, что она предназначена для посадки» [6].

Отличительной чертой немецких женщин сами они указали умение скроить и сшить одежду: «Мама ночь посидит, а утром её дочь уже щеголяет в новом платье» [9]. Это умение пригодилось в Сибири хотя бы для частичного решения проблемы с одеждой, а порой превращалось и в источник дохода. «Не зря Роман с Карлом таскали в эвакуации швейную машинку. Тася, жена начальника Бескупского, узнала, что баба Катя умеет шить и попросила её смастерить для мужа брюки-галифе. Баба Катя сначала отказывалась, но потом согласилась. Перелицевав старый, сделала новый костюм, который очень понравился начальнику. И ей стали делать заказы даже из Колпашева. Бабушка сначала отказывалась: вдруг не понравится, но потом согласилась. Стала шить вещи на заказ, получая за

это отрезки тканей, небольшие деньги. На них мать Франциза закупала на базаре в д. Могочино, в 50–60 км от 32-го квартала, чёрную муку для оладий, жир, иногда свиное мясо» [6].

Востребованными в Нарымском крае оказались архаические традиции, пребывавшие в этнической культуре в ретрессивном состоянии. Так, все собеседники сообщали об оставленных в Поволжье и на Украине деревянных или кирпичных домах. В Нарыме зафиксирован случай возрождения традиции постройки жилища из дёрна – «пластянки». «Сначала семью поселили у хантов в срубном доме. Позднее Альберт построил из дёрна свой. Лопатой нарезал дёрн на прямоугольные куски, срезал траву, перевернул каждый кусок, подравнивал землю. Затем вкопал 4 столба по углам будущего дома, посередине поставил 3 опоры под балки. Между столбами из пластин дёрна выложил стены, обмазал их глиной, смешанной с навозом, а внутри – ещё и илом. Пол укрепил илом с навозом. Внутри соорудил нары» [10. С. 72]. К.В. Чистов определил подобную вторичную форму традиции как регенерированную, т.е. изжитую, но восстановленную под влиянием каких-либо факторов [11. С. 50].

Регенерированная форма вторичной традиции массово проявила себя при сооружении «землянок», как называют их информаторы. Речь идёт о полуземлянках, сооружаемых сразу по прибытии в Нарымский округ. Она представляла собой «вырытую в земле яму, земляные стены укрепляли и над ними возводили дощатые стены, в которых имелось небольшое окошечко для прохождения света. На дощатые стены опиралась двускатная крыша, тоже из досок. Пол полуземлянки посыпали песком, на зиму старались его утеплить, стелили сено или солому. Внутреннее обустройство состояло из нар, на которых спали, подстилая солому или сено. Позже стали изготавливать своеобразные матрасы – мешки, набитые той же соломой или сеном. Солому в мешках приходилось часто менять, так как она быстро сбивалась. К незатейливым атрибутам мебели относились скамейки, сделанные своими руками» [12. С. 113]. Зимой окна затягивали «бычьим пузырьём». Зафиксированы и сведения о полуземлянке, наземную часть которой составляли два венца сруба, в которых вырубалось окно. Сооружались полуземлянки преимущественно женскими и детскими руками, как правило, на несколько семей.

Этническая культура оказалась сохранённой главным образом в памяти переселённых российских немцев. На основе воспоминаний родителей конструировался образ родины и в сознании детей, в малолетнем возрасте привезённых в Нарымский край. По словам повзрослевших и уже состарившихся детей, их родители рисовали жизнь в Поволжье исключительно как «хорошую», «обеспеченную», «в достатке». Колхоз непременно характеризуется как «богатый», располагавший всем в изобилии: «поля имел большие, не было видать им конца и края. С них собирали много зерна,

целые горы». Земля, как главный гарант достатка, в Поволжье была такая, что на ней *«всё родилось на славу. Стоило только бросить семечко, как оно тотчас же выросло»* [13. С. 7]. Воспоминания о голодных годах в Поволжье и на Украине эпизодичны. Произошла явная мифологизация образа покинутой родины. Представляется, что её причиной стала необходимость в психологической адаптации к адским условиям депортации и выживания на новом месте. Избирательная память о прежней жизни согревала душу и давала силы выстоять в суровом и безжалостном настоящем. Психологическая адаптация к новым условиям проходила мучительно, и у первых поколений так и не завершилась полностью. Образно это неразорванное состояние с прошлым рисует пронзительная картина, воссозданная одним из наших собеседников. *«Когда пароход, завершая навигацию, уходил из Парабели в последний рейс, то на прощание он давал длинный гудок. Немецкие женщины выстраивались на берегу и, провожая его, рыдали назврьд, ежегодно оицущая безысходность разрыва с большой землёй и малой родиной – Поволжьем»* [14. С. 100].

В обрядовой сфере этническая культура пребывала в латентной форме. Ёлки, поставленные накануне «немецкого» Рождества и украшенные самодельными игрушками, стали, пожалуй, единственной формой её проявления. Элементом этнической культуры, который продолжал активно функционировать, оставался немецкий язык. Он был представлен в Нарымском округе диалектами и служил надёжным средством внутри-, а в местах компактного проживания немцев и межсемейного общения. Старшее поколение депортированных немцев, как правило, даже не понимало русского языка. Межпоколенной трансляции языка способствовало и сохранение конфессиональных традиций, хотя они и свелись к чтению священных книг, которые в обязательном порядке брали с собой в Сибирь, и молитвам.

По мере преодоления послевоенных трудностей, либерализации политики по отношению к депортированным народам, из экстремального состояния постепенно выходила не только культура этноса, но начали возрождаться и элементы этнической культуры. Применительно ко второй половине 1950-х гг. указанные процессы уже хорошо фиксируются в Нарымском крае.

После войны старались обзавестись собственным жильём: строили небольшие срубные дома, размером иногда 4х4,5 м, с двускатной крышей, к ним примыкали бревенчатые или дощатые сени. Здесь сразу поселилась немецкая аккуратность. *«В доме часто белили, особенно печь, следили за порядком, тщательно заправляли кровать и следили за её опрятным видом: красиво складывали подушки, крахмалили наволочки, пользовались накидушками. Полы были деревянными»* [15].

В 1950–1960-е гг. разраставшиеся немецкие семьи переселялись и в более просторные дома, двух-, а позднее и четырёхкомнатные. Характерную планиров-

ку немецкого дома задавало расположение печи, выдвинутой к середине. Её стенки намечают расположение комнат: боковые – прихожей и кухни, задняя – спальни и гостиной. Печь пользовалась особым вниманием хозяек: она должна была выглядеть всегда опрятно и аккуратно, поэтому её часто белили. В немецком доме именно печь и кровать задавали тон интерьеру и являлись его безусловными доминантами. Отношение к кровати нашими информаторами признано чертой немецкой ментальности. *«Её заправляли, как будто совершали ритуал: на матрас ровненько стелили два-три одеяла, обязательно выпускали узорные края подзоров. Мама специально заказывала их. Красивое покрывало было предметом семейной гордости. <...> На заправленную кровать никому не позволялось садиться, чужим не разрешалось спать на стоявших в доме кроватях»* [9].

Чертой немецкого подворья в Нарымском крае стало соединение под одной крышей дома и летней кухни, чтобы вход в них был надёжно защищён от непогоды. Расположение хозяйственных построек обнаруживает два варианта: рядное, параллельное или перпендикулярное дому, и Г-образное, примыкающее к нему. Немецкая хозяйственность проявилась и во внутреннем обустройстве стаек, тщательно спланированных с учётом разных пород домашнего скота и санитарных условий.

Нормализация питания возродила в нём традиции немецкой кухни. Наиболее показательным в ней стало блюдо, зафиксированное в трёх вариантах приготовления и имеющее четыре названия. Наиболее часто употребляемое название – «штрудель». Тесто, замешанное на соде, раскатывали в лепёшку, смазывали маслом, скатывали в рулет, разрезали на ломтики и клали поверх тушащейся с мясом капусты. Второе название блюда – «Strombes». Различие касается лишь способа приготовления теста – на простокваше. Второй вариант блюда – «квикельте»: ломтики рулета из теста, замешанного на простокваше, тушили, уложив поверх картофеля. Третий вариант – «штрюли», или «штрудель»: поверх тушащейся капусты кладут не ломтики рулета, а галушки из теста на простокваше или соде. Ещё одним любимым блюдом и по сей день является «Kraut und Prei» – тушёная со свинными рёбрышками и чесноком капуста, которую клали поверх картофельного пюре. Выпечка также чётко очерчивает специфику немецкой кухни, прежде всего «Riewelkuche» – пироги, посыпанные крошкой из муки, масла и сахара, главное блюдо во время праздничного застолья. Популярны и поныне «кребли» наподобие хвороста. Их пекли к чаю. Правда, чай, согласно немецкой традиции, старались по возможности заменить киселём, компотом, какао. Нетрадиционность чая сказалась и в том, что по праздникам варили компот.

Возрождённый вариант обрядовой сферы, хотя и оказался серьёзно урезанным, тем не менее сохранил немецкий колорит. К немецким праздникам информаторы отнесли Рождество и Пасху («Ostern»).

Рождество превратилось в главный символ немецкой культуры в Нарымском крае и состояло из двух частей: Сочельник, приходившийся на 24 декабря, и собственно Рождество, отмечаемое 25 декабря. На Сочельник ставили ёлку, для которой в трудное время дети делали игрушки из бумаги, украшением становились и пряники, домашняя выпечка. В качестве праздничного блюда готовили «ривелькухе» и «цукеркухе» с посыпкой из сахара. Вечером семья собиралась за столом. Дети читали молитвы на немецком языке, разученные с бабушкой, и получали за это подарки. Обычно *«встречали Крискинди – женщину в белом наряде, с лицом, закрытым тюлем. <...> Стоя перед ней, ребяташки читали молитву, а она расспрашивала, как ребёнок себя ведёт – слушается или не слушается. Если бабушка говорила, что не слушается, то на этот случай был приготовлен прутик, могло и прутиком попасть»* [16]. Если с рождественской феей приходил «Пельцникель» с цепью, в вывернутой шубе, то он брал на себя функцию наказания непослушных детей. Получив подарки, дети ложились спать. Взрослые, уложив детей, собирались у кого-либо в доме или в семейном кругу и отмечали Рождество. Вечером в Сочельник собирались и члены лютеранской общины, молились, ставили ясли, в которых родился Иисус Христос.

В рождественскую ночь или рано утром молодёжь и ребяташки колядовали. *«Стреляли возле дома из ружья, заходили к хозяевам, декламировали благопожелания на немецком языке, в ответ получали выпечку, конфеты. Рядились в вывернутые меховые куртки. Хозяева ждали ряженых, и если они не заходили, то это считалось плохим знаком – год будет тяжёлым»* [17]. В каждой деревне у ряженых был свой заводила, который знал особые песни и стихотворения для этого действия и руководил на празднике сверстниками.

Новый год заметно уступал по значимости Рождеству. Основным праздничным действием являлось славение: группами обходили дома, пели особые песни на

немецком языке, стреляли в воздух. Вечером устраивали у кого-нибудь застолье или совершали семейную трапезу.

Символом немецкой Пасхи стал пасхальный заяц. *«Про него говорили: он дарит подарки и красит яйца. Заяц их оставлял, а дети ходили и искали, во дворе или дома, в зависимости от погоды. На самом деле прятала бабушка, а дети находили конфеты и крашеные яйца. Бабушка говорила, что утром на Пасху обязательно должен быть солнечный зайчик, что он – символ самой Пасхи»* [Там же]. Для подарков от пасхального зайца дети клали шапки под кровать и у порога, оставляли корзинки. Праздничное застолье предполагало наличие «ривелькухе», предварительную уборку в доме, чтобы всё было белым и чистым.

Поскольку в 1950-е гг. ещё было живо старшее поколение немцев, депортированных в Нарымский округ, то немецкий язык продолжал служить средством семейного общения. Со временем благодаря энтузиазму верующих лютеран начали формироваться общины: в Александровском – вокруг Ивана Юнемана, в Тогуре – Франца, в Новоникольском – Фридриха Функа, ставшие центрами сохранения этнических традиций, особенно в обрядово-праздничной сфере.

Итак, депортация российских немцев в Нарымский округ привела к нивелировке в годы Великой Отечественной войны этнической культуры. Исключение составили язык и вероисповедание. Основопологающей стала проблема физического выживания, решаемая в рамках культуры этноса и во многом нетрадиционными средствами. По мере стабилизации экономической и политической ситуации началось возрождение элементов этнической культуры российских немцев, связанных с жилищем, пищей и обрядовой сферой. Факторами, способствовавшими ревитализации этнических традиций, стали компактность проживания, язык и конфессиональная ситуация. Процесс физической адаптации был дополнен культурной.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Полевые материалы автора. М.Ф. Греф (Вельш), с. Новоникольское Александровского района, 2016.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркарян Э.С. К общей характеристике культуры и её жизнеобеспечивающей подсистемы // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 17–40.
2. Маркарян Э.С. Этнические культуры в общей системе локального разнообразия человечества // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 40–53.
3. Арутюнов С.А., Мелконян Э.Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 53–60.
4. Герман А.А. Депортация советских немцев из европейской части СССР // История и этнография немцев в Сибири. Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 401–443.
5. Ситников В.А. Суровые испытания (о Трифоновой (Вагнер) Полине Петровне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 104–107.
6. Малахова Г.Р. Трудный путь семьи Батц // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016 (в печати).
7. Ефремова В.С. Сильная натура (о Луговской (Шпедер) Екатерине Алексеевне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 74–77.
8. Кротова С.А., Ситников В.А. Веков пронзающая нить (о Шпомер (Пауль) Марии Эдуардовне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 119–122.
9. Сысоева М.С., Рындина О.М. Две «мясорубки» (о семье Баймлер) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016 (в печати).

10. Рындина О.М. «Оставайся хозяином!» (об Альберте Генриховиче Симоне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Александровский район. Томск, 2014. С. 71–75.
11. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986. 304 с.
12. Кретьева С.А. Преодолевая трудности (о Целуйко (Пауль) Фриде Яковлевне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 112–116.
13. Рындина О.М. Юдоль российских немцев Парабелы // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 6–18.
14. Рындина О.М. Последний паром, или Ода о матери (о Райсе Фёдоровне Фёдоровиче) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 96–100.
15. Галактионова Е.А. Соединил Тогур (о Чичигиной (Кильман) Фриде Георгиевне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016 (в печати).
16. Сысоева М.С. Никуда я из Сибири не поеду (о Горн (Фейлер) Лидии Германовне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016 (в печати).
17. Рындина О.М. Родовое поместье (о Зауэре Антоне Антоновиче) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016 (в печати).

Ryndina Olga M. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

ADAPTIVE POTENTIAL OF ETHNIC CULTURE (ACCORDING TO THE DATA FROM RUSSIAN GERMANS OF NARYM TERRITORY).

Keywords: Russian Germans; Deportation; Narym Territory; physiological and cultural adaptation; ethnic culture.

The problem of the transformation of ethnic culture in the extreme socio-political situation is viewed in the article, based on field materials of the author and participants of ethnographic expeditions to Alexandrov, Kargasovsky, Parabel and Kolpashevsky districts of the Tomsk region, took place in the years 2013–2016. The problem is investigated in relation to the culture of the Russian Germans who were deported to Narym Territory at different times, but mostly in the secondary deportation at the autumn of 1942. The process of adaptation to difficult conditions of the Great Patriotic War and in the post-war are reconstructed. The proposed division of the national historiography of culture on "ethnic culture" and "culture of ethnos" is used to explain uncovered adaptation processes. Non-traditional ways of the self-sustaining of deported Germans are reviewed. The role of the traditional occupations during the adaptation process: agriculture and trucking, as well as tailoring are emphasized. Updating the archaic traditions that were in the parent culture in the recessive state - "plastyanka" (small residential or auxiliary building made up of sod) and half-dugouts are demonstrated. The loss of ethnic and cultural traditions in the post-war decade are observed. The German traditions in the house (role of an oven in a plan of the house, oven and bed in the interior) and household building (parallel, perpendicular, and L-shaped arrangement in relation to the house, fusion constructions in a row), food (prevalence of starchy foods, vegetable and meat ingredients, the most typical dishes - «Strudel», «Kraut und Prei», «Riewelkuche») are identified. Renewed in the Narym territory German holidays - Christmas and Easter - are determined. The author made a conclusion about chronologically different levels of adaptation. It was aimed at the physical survival of the ethnic community; it was under the ethnic culture and relied on unconventional for it in 1940-ies. In 1950-ies adaptation involved the ethnic culture and was accompanied by a revival of its individual elements, primarily related to housing, food and ritual sphere. Factors contributing to ethnic and cultural adaptation became compact resettlement of the deported Russian Germans, the active functioning of the mother language and the preservation of religion.

REFERENCES

1. Markaryan, E.S. (1983) K obshchey kharakteristike kul'tury i ee zhizneobespechivayushchey podsystemy [On the general characteristics of the culture and its sustaining subsystems]. In: Markaryan, E.S. (ed.) *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos* [The culture of sustenance and ethnicity]. Erevan: Armenian SSR AS. pp. 17–40.
2. Markaryan, E.S. (1983) Etnicheskie kul'tury v obshchey sisteme lokal'nogo raznoobraziya chelovechestva [Ethnic cultures in the general system of local human diversity]. In: Markaryan, E.S. (ed.) *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos* [The culture of sustenance and ethnicity]. Erevan: Armenian SSR AS. pp. 40–53.
3. Arutyunov, S.A. & Melkonyan, E.L. (1983) Kul'tura zhizneobespecheniya v etnicheskikh sistemakh [The culture of sustenance and ethnicity]. In: Markaryan, E.S. (ed.) *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos* [The culture of sustenance and ethnicity]. Erevan: Armenian SSR AS. pp. 53–60.
4. German, A.A. (2009) Deportatsiya sovetskikh nemtsev iz evropeyskoy chasti SSSR [Deportation of Soviet Germans from the European part of the USSR]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of the Germans in Siberia]. Omsk: OGIK muzeya. pp. 401–443.
5. Sitnikov, V.A. (2015) Surovye ispytaniya (o Trifonovoy (Vagner) Poline Petrovne) [Severe trials (about Trifonova (Wagner) Polina Petrovna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 104–107.
6. Malakhova, G.R. (2016) Trudnyy put' sem'i Batts [The hard way of the Batts]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk: Tomsk State University. (In print).
7. Efremova, V.S. (2015) Sil'naya natura (o Lugovskoy (Shpeter) Ekaterine Alekseevne) [The strong nature (about Lugovskaya (Shpeter) Ekaterina Alekseevna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 74–77.
8. Kretova, S.A. & Sitnikov, V.A. (2015) Vekov pronzayushchaya nit' (o Shpomer (Paul') Marii Eduardovne) [The percing thread of time (about Shpomer (Paul) Maria Eduardovna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 119–122.
9. Sysoeva, M.S. & Ryndina, O.M. (2016) Dve "myasorubki" (o sem'e Baymler) [Two "grinders" (The Baimlers)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk: Tomsk State University. (In print).
10. Ryndina, O.M. (2014) "Ostavaysya khozyainom!" (ob Al'berte Genrikhovichе Simone) ["Remain master!" (About Albert H. Simon)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Aleksandrovskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Aleksandrovskoye District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 71–75.
11. Chistov, K.V. (1986) *Narodnye traditsii i fol'klor* [Folk traditions and folklore]. Leningrad: Nauka.

12. Kretova, S.A. (2015) Preodolevaya trudnosti (o Tseluyko (Paul') Fride Yakovlevne) [Overcoming difficulties (about Tseluyko (Paul) Frida Yakovlevna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112-116.
13. Ryndina, O.M. (2015) Yudol' rossiyskikh nemtsev Parabeli [The vale of Russian Germans of Parabel]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 6-18.
14. Ryndina, O.M. (2015) Posledniy parokhod, ili Oda o materi (o Rayse Fedore Fedoroviche) [The last steamboat, or Ode of Mother (about Rice Fedor Fedorovich)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 96-100.
15. Galaktionova, E.A. (2016) Soedinil Togur (o Chichiginoy (Kil'man) Fride Georgievne) [Connected by Togur (about Chichigina (Kilmann) Frida Georgievna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk: Tomsk State University. (In print).
16. Sysoeva, M.S. (2016) Nikuda ya iz Sibiri ne poedu (o Gorn (Feyler) Lidii Germanovne) [I will not leave Siberia (about Gorn (Feiler) Lydia Germanovna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk: Tomsk State University. (In print).
17. Ryndina, O.M. (2016) Rodovoe pomest'e (o Zauere Antone Antonoviche) [The ancestral home (about Sauer Anton Antonovich)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk: Tomsk State University. (In print).